МАРИНА СЕРОВА
ДАМСКИЙ ПАСЬЯНС

Литрес

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Дамский пасьянс

«Научная книга»

Серова М. С.

Дамский пасьянс / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

Никто не обращался к частному детективу Татьяне Ивановой с просьбой разобраться в загадочном самоубийстве бесшабашной и привлекательной Ирины Лейкиной. Начав по собственной инициативе расследование гибели своей институтской подруги, Татьяна не знала, что ждет ее впереди. На нее совершают нападение неизвестные, ее избивают до потери сознания. Очнувшись после одного из таких нападений на катере, мчащемся по бескрайним волжским просторам, Татьяна утверждается в мысли – во что бы то ни стало довести дело до конца и выяснить, кто стоит за всеми этими преступлениями…

© Серова М. С.
© Научная книга

Содержание

Пролог 5
Глава 1 6
Глава 2 15
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Марина Серова
Дамский пасьянс

Пролог

Справедливо все-таки расхожее мнение о том, что женщины живучи как кошки. Они, может быть, физически и менее сильны, чем мужчины, им сложно поднимать тяжелое и вообще давать своему телу какие-то сиюминутные атлетические нагрузки, но в выносливости и умении переживать физическую боль – вы меня извините!

Общеизвестно, что в больницах боль лучше переносят женщины. Мужики, обычно все такие из себя суровые – лишнюю слезу не проронят, – в таких проблематичных для своего здоровья ситуациях сразу раскисают и становятся капризнее, чем барышни из романов Тургенева.

А женщины – они в России и лошадку могут на скаку остановить, и в случае пожара не оплошать…

…Эти мысли пришли мне на ум совершенно неожиданно, когда я тихо сидела у себя в квартире и смотрела в окно. Стоял август, лето еще не кончилось, и хотелось верить, что я еще успею как следует отдохнуть.

Один раз я собиралась это сделать два месяца назад, в июне. И какие были благие намерения! Однако вместо этого… меня ожидали приключения на грани жизни и смерти.

Я закрыла глаза и снова вспомнила ту ночь…

…Тогда мое возвращение в реальный мир сопровождалось какими-то потусторонними голосами, говорящими непонятные слова – я не улавливала их смысла, – и методичным звуком работающего мотора.

Периодически звуковую картину дополняли мерные всплески. Чувствовала я себя крайне дискомфортно: болела и кружилась голова, зудило и саднило тело. Кроме того, я ощущала некое покачивание, как будто находилась в море, и от этого меня слегка подташнивало.

Я осторожно открыла глаза и увидела перед собой звездное небо. А немного погодя поняла, что лежала на чем-то твердом и мокром. Мой правый бок упирался в брусчатую деревяшку, похожую на ту, что обычно используют в ванных комнатах в качестве подставки для ног. Слева же от меня лежал спасательный круг. На нем большими буквами было написано «ОВЕН».

Постепенно приходя в себя, я поняла, что нахожусь в лодке, которая с большой скоростью движется по водным просторам. Стало понятно, откуда доносились звуки мерно работающего мотора и всплески воды. Я чуть приподняла свою потяжелевшую голову и увидела, что впереди на скамейке сидят двое мужчин. Был виден еще и третий, который сидел за рулем и управлял лодкой.

Обстановку я оценила довольно быстро, несмотря на жуткую боль в голове да и во всем теле. Общее состояние мое, мягко говоря, не внушало оптимизма. Вероятнее всего, эти мужчины, силуэты которых виднелись впереди, везут меня в последний путь.

Волга, ночь, одинокий катер, я почти в бессознательном состоянии. Намерения неизвестных в принципе ясны. Однако умирать мне, ей-богу, не хотелось…

…«Да, не хотелось», – вздохнула я. Не хотелось тогда, не хочется и сейчас, когда все, что всплыло в моей памяти, уже покрылось следами прожитых дней.

Я посмотрела в окно. Небо застилали тучи, в воздухе стало нечем дышать, словом, налицо были все признаки собирающегося грянуть во всей своей мощи ливня.

Прямо как тогда, в тот самый вечер месяца два назад, с чего, собственно, все и началось…

Глава 1

«А за окном-то дождь собирается!» – хмуро подумала я, глядя на сгустившиеся тучи и ощущая необыкновенную духоту в воздухе. Обидно было, что только недавно я развесила белье на балконе, и надо же! Сплюнув с досады, я отвернулась от этого неинтересного пейзажа за окном.

На дворе стоял конец июня, самое светлое в плане солнечных лучей время и одновременно самое жаркое и невыносимое.

В тот вечер я собиралась развеяться и поехать в гости к своему знакомому психологу. Помимо того, что он иногда оказывал мне услуги чисто профессионального характера (снимал стрессы, полученные в результате слишком активного времяпрепровождения в качестве частного детектива), Толик, ко всему прочему, был неплохим массажистом. А у меня что-то со спиной в последнее время стало плоховато – побаливает…

Ну а помимо этих способностей, Толик обладал еще и необыкновенной энергией, всегда был жизнерадостен и заражал этим людей, которые с ним общались. Энергия его, кстати сказать, концентрировалась в основном в нижней части тела, и это тоже меня периодически радовало. Общение с ним носило вполне дружеский характер и было лишено какого-либо меркантильного оттенка. По крайней мере, с моей стороны. По его же собственному признанию, он был готов предоставить женщине только «сокровища души и тела», о деньгах он и не говорил. Впрочем, что возьмешь с бедного психолога!

В деньгах, собственно говоря, я не нуждалась. Только что я успешно закончила очередное дело, и мною овладело несколько разгульное настроение – промотать денежки, съездить куда-нибудь, то есть развеяться на полную катушку. Может быть, после этого и спина пройдет… Только вот, как оказалось, ехать-то мне и не с кем.

Постоянных друзей (имею в виду мужчин) я старалась принципиально не заводить. Потому что мужчины такие существа, которым всегда чего-то не хватает. Сначала они довольствуются тем, что их просто не послали куда подальше. Потом радуются, что их общество даме приятно и она позволяет себя соблазнить. После того как это наконец происходит, возможны два варианта.

Первый – это когда женщина становится неинтересной, поскольку, кроме стандартного постельного набора, ничего мужчине больше дать не может.

Второй – и это, разумеется, более характерно для моей персоны – когда мужчина начинает бороться за то, чтобы обладать женщиной все больше и больше. То есть начинает рассматривать ее как свою собственность. А я никогда не была сторонницей рабовладельческого строя! Еще чего!

Ему уже не нравится, когда дама не хочет говорить ему о том, где была, скажем, накануне вечером, будто она обязана ему это докладывать. Потом начинаются претензии по поводу того, что его любят как-то не так, как ему хотелось бы… Ему уже подавай все самое лучшее. А если попадется какой-нибудь консервативно ориентированный дурак, то пристанет еще по поводу того, что суп недосоленный или картошка, видите ли, подгорела. Да тьфу на вас всех!

Учитывая специфику моей профессии, я вообще все вышеперечисленные заморочки терпеть не могу просто потому, что это начинает сильно мешать работе. А следовательно, и моей жизни тоже.

Но с кем же все-таки съездить отдохнуть?..

Я села в кресло и не спеша взяла с подоконника пачку «Мальборо лайт», выбила из нее сигарету и закурила. На улице уже совсем стемнело, откуда-то издалека доносились раскаты грома, а в комнату мою сквозь сетку балконной двери ворвался легкий ветерок, почти наверняка принесший с собой комаров и бабочек. Плюнуть хочется на этот июнь!

Если грянул гром, значит, скоро разразится гроза. Естественно, в такую погоду я уже никуда не поеду. Стало быть, будет потерян как минимум час. Я рассеянно зевнула и посмотрела на настенные часы. Если это так, то встреча с Толиком переносится где-то на время поближе к полуночи. Еще неизвестно, кстати, будет ли он меня ждать. Скорее всего отправится к одной из своих многочисленных любовниц. И ему позвонить нельзя, потому что живет он в квартире без телефона.

«А может быть, отправиться на юг с женщиной?» – внезапно пришла мне в голову свежая мысль.

То есть поступить, скажем так, нестандартно. Не в смысле смены половой ориентации, а просто поехать отдыхать с подругой.

Но опять же здесь свои проблемы… Моя работа, которая не позволяет мне заводить постоянных подруг. Я предпочитаю даже перед близкими людьми особо не распространяться насчет своей деятельности. К тому же подруги моего возраста почти все замужем, все обложены памперсами и сникерсами, контролируются мужьями и, ко всему прочему, не обладают средствами, достаточными для поездок на море.

Единственно, кто меня может поддержать в этом деле, это, наверное, Катя Семенова.

Я вспомнила, что моя давняя подруга еще по институту недавно развелась и в настоящее время страдает от неудобств вследствие своей нестабильной личной жизни. Дама она весьма коммуникабельная, да и материально не будет слишком непосильной обузой. Потому что, хоть и рухнула ее семейная жизнь, финансовое положение после этого заметно выровнялось. Даже если я и пойду на то, чтобы оплатить ей, скажем, половину дороги, на вторую половину и на шоколадку у нее денег точно хватит.

Я подобрала с пола свою записную книжку, открыла ее, нашла нужную страницу и набрала Катин номер. Через несколько секунд я услышала в трубке нежный женский голос:

– Да!

В этот момент я поняла, почему многие мужчины так западают на Катю. Этот голос с первой же секунды прямо-таки располагает к себе. В нем хотелось раствориться и слушать, слушать, слушать… И это оценила я, женщина. Можно себе представить, что ощущает мужчина… Правда, остается открытым вопрос, почему с ней никто из этих мужчин долго не уживается.

– Катенька, здравствуй! Это Таня Иванова тебя беспокоит. Как твои дела?

– Ой, дела!.. – вздохнула Катя. – Что дела! Вот недавно познакомилась с иностранцем, чехом, может быть, уеду за границу…

– Рада за тебя, – улыбнулась я.

– Я тоже, – рассмеялась она. – А то в нашем разлюбезном отечестве в последнее время стало что-то уж совсем скучно…

– А я, знаешь ли, хотела пригласить тебя съездить на юг вместе со мной, без мужиков.

– Идея неплохая, – посерьезнела Катя. – Только у меня проблемы с деньгами.

– Думаю, их можно решить. Мне просто скучно одной, мужики надоели, а мы с тобой не так часто общаемся. Может быть, на недельку рванем? Беру на себя половину расходов!

На том конце воцарилось молчание. Несмотря на ангелоподобный голосок и очень женственное поведение, в душе Катюша была достаточно жесткой и меркантильной женщиной.

– Нет, ты знаешь, не могу, – пропела она, видимо, взвесив все «за» и «против» и еще все «может быть». – Дело в том, что мой Вацлав, ну, в смысле тот, с кем я недавно познакомилась… короче говоря, чех, он еще не созрел, чтобы ждать меня целую неделю…

– Поработать с ним еще нужно, что ли? – не поняла я.

Катя засмеялась и сквозь смех выдавила:

– Танька, ты мне нравишься за то, что все понимаешь с полуслова…

– Значит, мне придется ехать одной, – вздохнула я.

– Зачем одной? Ты, кстати, знаешь, что Ирка Лейкина вернулась в город?

– Ирка? – удивилась я.

Мы вместе с Ириной Лейкиной и Катей Семеновой дружили в институте. После его окончания судьба распорядилась таким образом, что Ира уехала с мужем куда-то в Белоруссию, а мы с Катей остались в Тарасове.

– Она что, приехала в отпуск? – спросила я.

– Нет, кажется, навсегда. Разошлась со своим мужем, ей просто осточертело его разгильдяйство. Ребенка она отвезла к каким-то родственникам в район, сейчас живет здесь одна. Уже давно, месяца три, наверное… Я разве тебе не говорила?

– Нет, не говорила…

– Да что ты! Вот тебе и прекрасный повод, чтобы встретиться со старой подругой. Кстати, и деньги, по-моему, у нее есть. Сейчас я тебе дам ее телефон и адрес.

Катя на минуту прервала наш разговор, залезла, видимо, в свою записную книжку и наконец продиктовала мне номер и адрес Ирины.

Мы поболтали еще минут пять и договорились о встрече где-нибудь дней через десять, когда я вернусь с моря, а она за это время «поработает» со своим новым Ромео по имени Вацлав, чтобы быть до конца уверенной в своей надежной будущей жизни в тихой, сытой и благополучной Чехии.

Посидев еще немного в кресле и понаблюдав за буйством молний за окном, я не спеша выпила чашечку черного кофе. Под аккомпанемент проливного дождя набрала номер телефона Лейкиной. Увы, на том конце провода меня ждали только длинные гудки…

…В тот вечер я еще несколько раз набирала номер телефона своей старой подруги Ирины, но судьба не благоволила ко мне. В последний раз я пробовала соединиться с ней где-то в час ночи.

«Наверное, где-то загуляла, женщина ведь свободная…» – подумала я, уже засыпая.

* * *

Утром следующего дня я решила поехать сразу по Ирининому адресу. Пускай встреча старых подруг будет неожиданной!

Ирина жила на самой окраине Заводского района, вдали от исторического центра города. Я поднялась на третий этаж старой панельной пятиэтажки и нажала на кнопку звонка. Увы, и на этот раз мне не повезло: за дверью царили тишина и безмолвие.

Внутренне я рассердилась на себя за собственную нерациональность и наивность. Как будто меня здесь ждали! Ну что стоило еще раз набрать номер и убедиться в том, что ее нет дома! Гнать машину через весь город, чтобы в результате торчать у закрытой двери!

Я уже собралась было уходить, как медленно открылась обшарпанная дверь соседней квартиры, и оттуда выползла толстая женщина средних лет, в бесформенном синем ситцевом платье, держащая в руках две авоськи, до отказа набитые какими-то газетными свертками.

Она подозрительно и недоброжелательно посмотрела на меня.

Эта милая пожилая дама являла собой очень распространенный в наших широтах тип женщин, которых я про себя окрестила «тетками».

Как правило, это были рано располневшие, погрязшие в быту женщины, которые разнообразят свою жизнь лишь подъездными и служебными сплетнями. Со временем они превращаются в так называемых «бабок», которые сидят на скамеечке у подъезда и всегда в курсе всех событий в радиусе ста метров от вышеупомянутой скамеечки. Если ко всему прочему они еще и не очень эмоционально устойчивы, то к старости становятся необыкновенно религиозными и в церкви неодобрительно поглядывают на молодух, осмеливающихся приходить туда с непокрытыми головами и в джинсах. В автобусах такие тетки и бабки неусыпно следят за тем,

чтобы старшим уступали место; приходят в восторг от одного вида маленьких детей, считают женщин, имеющих любовников, непорядочными и полагают, что самое дорогое в жизни – это иметь однокомнатную, а лучше двухкомнатную квартиру с балконом, холодильником и серым котом на подоконнике.

Словом, передо мной явилось средоточие консервативного менталитета городской России.

Я ответила соответственно – гордым и независимым взглядом уверенной в себе женщины неполных тридцати лет. Тетка со своими авоськами уже собиралась пройти мимо меня, как что-то неожиданно удержало ее. Я решила, что ей, видимо, просто было скучно, и она вступила в разговор с незнакомым человеком.

– Вы к Ирине, что ли, пришли? – поинтересовалась она, метнув в меня любопытный взгляд.

В мои планы никак не входило общение с пожилыми соседками моей подруги, однако, чуть улыбнувшись, я ответила, чтобы не выглядеть уж совершенно невежливой в ее глазах:

– Да!

– Вы ее подруга?

Я вздохнула, подумав, что, похоже, тетка настроилась на целый допрос.

– Да, – с такой же независимой интонацией кратко произнесла я.

– Вы что ж, совсем ничего про нее не знаете? – с каким-то непонятным превосходством спросила тетка.

– А что я должна знать? – удивилась я.

Тетка поставила авоськи на бетонный подъездный пол и тяжело вздохнула.

– Беда, дочка, у нас большая приключилась, – в голосе женщины послышались нотки дежурных причитаний. – Живешь-живешь и не знаешь…

– То есть? Чего не знаешь? – не поняла я.

– Так ведь уже четыре дня как преставилась Иринка-то! – достав платочек, проговорила тетка.

Внутри у меня что-то екнуло.

– Как… преставилась? Кто… преставилась?

– Как кто? Иринка. О чем я тебе и говорю, – тетка жестом показала мне нечто, обозначающее удавку. – Такие вот дела, дочка.

– Ее задушили, что ли? – совершенно ошарашенная этой новостью, спросила я.

Мои пальцы сами собой полезли в сумочку, выискивая сигареты. Но я вовремя поняла, что дымить при этой тетке означало немедленно потерять с ней контакт: такие обычно не одобряют курящих женщин.

Соседка между тем отрицательно покачала головой.

– Са-ма, – она пристально взглянула мне в глаза. – Она са-ма… Вот грех-то какой! – тетка вытерла лоб платочком.

Буквально раздавленная услышанным, я не сразу нашлась что ответить. А собеседница моя, почти наслаждаясь эффектом, который произвела своим сообщением, тоже молчала и смотрела на меня, продолжая сокрушенно покачивать головой.

– Значит, самоубийство? – наконец выговорила я.

Вместо ответа соседка зачем-то огляделась по сторонам, хотя вокруг никого не было, и утвердительно кивнула головой.

– Где же все это произошло? – спросила я, чувствуя, как во мне просыпается детектив.

– Здесь, где же еще?! В этой самой хате, – ответила тетка и показала пальцем на дверь квартиры, где еще четыре дня назад жила Ирина.

– Это была ее квартира? – продолжила теперь уже я свой допрос.

– Не-ет, куда там! – протянула соседка. – Клавдия Ивановна сдавала ее, соседка моя. Она у дочери сейчас живет, вместе с зятем. Сдала хату через фирму, думала, все будет нормально, а вот что получилось… Теперь ей боязно здесь и жить-то будет, наверное… Сейчас ведь знаете время-то какое! Сдашь, а потом вот такое случится… Не ведаешь, как и жить-то на белом свете.

– А вы не знаете, почему она… Ирина… это… сделала с собой? – осторожно поинтересовалась я.

– Нет, ты что! Мы же с ней особо-то и не общались. Она ведь молодая, а мы старики. Вы ведь, молодежь, все между собой да между собой, мы вам, видите ли, неинтересны… – скороговоркой забрюзжала тетка.

– А вы не дадите мне телефон или адрес Клавдии Ивановны? – вдруг выпалила я неожиданно пришедшую мне в голову мысль.

– Клавдии Ивановны? – удивилась тетка. – А зачем? – ее взгляд опять стал подозрительным.

Я решила сказать правду:

– Понимаете, мы с Ириной не виделись очень давно. Я даже не знала, что она вернулась в наш город и сняла здесь квартиру. А так, может быть, Клавдия Ивановна мне подскажет, вдруг кто-то в гости к ней заходил… Словом, хочу найти ее знакомых.

Тетка рассматривала меня где-то с полминуты, будто делала рентген. Наконец, видимо, сочла, что моя внешность соответствует ее представлениям о порядочной девушке, и как-то неуверенно проговорила:

– Подождите, у меня ее телефон дома записан…

Она вернулась к себе в квартиру и, порывшись там не более минуты, вынесла мне бумажку с записанным на ней телефоном. Я поблагодарила и, дабы закрепить свое расположение к ней, помогла снести вниз одну из авосек, которая, кстати, оказалась достаточно тяжелой. У дверей подъезда я с ней распрощалась и пошла к своей машине.

Прямо оттуда я позвонила по сотовому той самой Клавдии Ивановне, у которой Ирина снимала квартиру. Мне долго пришлось продираться сквозь маразм и бестолковость мозгового процессора старшего поколения, прежде чем я смогла убедить свою собеседницу, что не будет ничего плохого, если она скажет мне название риелторской фирмы, через которую она сдавала квартиру. В ответ я выслушала еще одну длинную тираду о безалаберности представителей молодого поколения, которые только и делают, что пьют, мужиков к себе водят, а потом такое случается…

Я для приличия даже поддакнула несколько раз своей собеседнице, чем вызвала у нее активное желание продолжить разговор. Но тут уже мне пришлось напрягаться, чтобы его закончить. Наконец я выудила у нее название фирмы и закончила разговор. Отключив связь, я швырнула трубку на сиденье рядом, опустила голову на руль и задумалась.

Надо же, за окном солнце, летит тополиный пух, жизнь цветет всеми цветами радуги, а Иринки уже нет с нами, грустно подумала я.

В моем мозгу прокручивались картины не такого уж давнего институтского прошлого. Тогда Ирина Лейкина, брюнетка невысокого роста с острым носиком, была очень подвижной девушкой, смешливой заводилой нашей компании. Она придавала большое значение отношениям с противоположным полом, ставя на первое место надежность и, что немаловажно, потенциальную платежеспособность партнера. Словом, при всей своей кажущейся легкомысленности – за годы учебы она сменила с десяток любовников – она была достаточно вдумчивой девушкой. Но вместе с тем очень веселой и беззаботной. И трудно было себе представить, что она вдруг дойдет до того, что покончит с собой. Я попыталась мысленно увидеть эту сцену, но не смогла. Подобное просто не укладывалось в моей голове.

Освободившись наконец от видений, я бросила взгляд на свою сумочку. Надо, наверное, все-таки покурить… Может быть, хоть немного нервы успокою. Я открыла сумочку, но мой взгляд остановился не на пачке сигарет, а на гадальных костях.

Что, если спросить совета у высших сил, как-то рассеянно подумала я и бросила кости, хотя это происшествие и не имело никакого отношения к моей работе. Надо сказать, что я в последнее время обращалась к ним не только когда вела расследование, но и, как говорится, просто по жизни. То есть когда дело касалось отношений с мужчинами и различного рода спорных финансовых ситуаций.

Выпавшая комбинация в высшей степени меня озадачила и даже испугала:

33+1+21.

«Предостережение от близящегося зла».

Что это может означать? Вряд ли имеется в виду смерть подруги. Это скорее близящееся зло по отношению ко мне. Или кости намекают на то, что в этом деле не все чисто и что мне неизбежно придется столкнуться со злом, если я вплотную займусь самостоятельным расследованием?

Я решила для верности повторить и бросила кости еще раз.

34+5+24.

«Все новые и новые неприятности».

Что ж, к этому предостережению никак нельзя относиться скептически. Если мне два раза подряд выпали такие неблагоприятные прогнозы, это означает, что необходимо действовать, причем быстро и решительно.

Мчась домой с бешеной скоростью, я с трудом увернулась пару раз от ротозеев-прохожих, захотевших вдруг броситься под колеса моей машины. Дома я нашла справочник «Весь Тарасов», который не раз выручал меня в трудных ситуациях, когда нужно было найти какую-нибудь фирму, которых развелось в нашем городе, как грибов-поганок после дождя.

Риелторская фирма «Аглая» располагалась в центре города, недалеко от моего дома, и я была в ее офисе уже где-то полчаса спустя. Меня встретили сотрудники – молоденькие ребята в белоснежных рубашках. Внешне они очень напоминали киношных американских биржевых служащих. Впечатление усиливалось на фоне евродизайна, кондиционерной прохлады и дежурных улыбок персонала.

Вежливый молодой человек лет двадцати пяти, сразу же бросившийся мне навстречу, попросил меня присесть и спросил:

– Что желает милая девушка?

Я начала издалека:

– Милой девушке очень хотелось бы снять небольшую квартиру, пусть даже однокомнатную, где-нибудь в Заводском районе.

– Одну минуточку, – повел бровями молодой человек.

Он залез в компьютер и через полминуты выдал мне список однокомнатных квартир с адресами. Я пробежала его глазами и не обнаружила там адрес, по которому уже побывала сегодня.

– А вот если бы поближе к Нововолжскому шоссе… – взглянула я на парня.

Тот сделал озабоченную мину и почесал голову.

– Дело в том, что… Есть в том районе одна квартира, недавно освободилась. Но там проблемы с хозяйкой, она вроде больше не хочет ее сдавать.

– А почему?

– Да там какие-то нелады, что ли… Я не совсем в курсе, – уклончиво сказал парень. – Этим делом занимался другой сотрудник, он сейчас в отпуске.

– Так, может, позвонить хозяйке, и все нелады можно будет утрясти?

Парень с явной неохотой снова полез в компьютер, посмотрел там телефонный номер, который был уже мне знаком, и нервными движениями набрал комбинацию цифр на трубке.

Телефонный разговор протекал резко и нервно. На том конце провода скорее всего раздавались разного рода упреки, которые Клавдия Ивановна адресовала фирме. Парень пытался вставить что-то оправдывающее и его самого, и фирму «Аглая», но там не желали слушать, и он был вынужден прерываться. В данном случае упреки были совершенно не по адресу, но Клавдию Ивановну, очевидно, это не интересовало. Парень же, по моей милости, был вынужден упреки выслушивать, что явно не добавляло ему настроения.

После пятиминутных переговоров стало ясно, что хозяйка сдавать квартиру все же хочет, но с гарантией и только так, чтобы происшествий, подобных тому, что случилось недавно, в ее квартире больше не повторялось.

Выслушав пожелания хозяйки, молодой человек передал мне трубку. Клавдия Ивановна не узнала мой голос. Она разговаривала со мной как с клиенткой, и настрой у нее был исключительно меркантильный. Благодаря этому мы довольно быстро договорились о цене и месте встречи.

Уже выйдя из офиса фирмы, я подумала, что все произошло как-то сумбурно. Сначала я сама звонила Клавдии Ивановне, чтобы узнать адрес фирмы, а потом уже через фирму вышла снова на ту же Клавдию Ивановну. Отчасти я списала свои несколько непоследовательные действия на шок, полученный утром. Однако скоро поняла, что в этом был свой резон. Сняв квартиру, в которой закончила жизнь моя подруга, я постараюсь на месте провести необходимое расследование.

Этого я не смогла бы сделать, не получив ключа от квартиры. Клавдия Ивановна просто так мне бы его, конечно, не дала, в этом я была уверена на все сто процентов.

А покопаться в квартире было необходимо. Пускай даже потратив на это свои собственные деньги.

Все-таки я привыкла доверять костям, и к тому, что они подсказывали мне, я не могла отнестись скептически. Если дело не совсем чисто, значит, необходимо влезть в эту квартиру и узнать истину. Вот примерно этим я и руководствовалась. Тем более что речь шла о моей подруге, с которой меня связывали воспоминания молодости.

Клавдия Ивановна оказалась дородной женщиной лет шестидесяти. Как ни странно, но она явилась на свидание со мной накрашенной и завитой. Было видно, что блюсти женскую форму она не перестала и в этом плане выгодно отличалась от своей соседки, которая была гораздо моложе ее.

Однако все эти внешние проявления продвинутости «компенсировала» косность ума. Она бросала на меня подозрительные взгляды, как бы пытаясь определить, способна ли я доставить ей такие же хлопоты, как прошлая жилица.

Клавдия Ивановна провела меня по квартире, показала, где что лежит, что можно брать, а чего нельзя. Попутно она посетовала на то, что Ирина (прости господи, о покойнице-то!) водила сюда мужиков толпами, перебила ей какие-то очень ценные для нее бокалы и куда-то задевала алюминиевый таз, в котором она имела обыкновение варить варенье. Учитывая сезон, данное обстоятельство особенно сильно ей досаждало.

Я тут же заявила, что абсолютно равнодушно отношусь к алюминиевым тазам и что посудой намерена пользоваться исключительно своей. Насчет мужиков я дипломатично промолчала.

Потратив на содержательное общение с Клавдией Ивановной по бытовым вопросам где-то с час, я порядком устала. И была очень рада, когда наконец она вручила мне ключ, оставив меня в одиночестве. Насчет происшествия, случившегося в квартире, старая карга ответила уклончиво – мол, приходила милиция и куда-то забрала жилицу. И нет ее теперь.

В принципе все было понятно. Клавдии Ивановне необходимо снова сдать свое жилье, и она не без оснований опасалась, что новые квартиранты могут оказаться впечатлительными, а узнав о самоубийстве, откажутся заключать договор. Поэтому она просто просияла, когда я наконец сказала, что и квартира, и она как хозяйка меня устраивают, и вообще… из окна здесь очень романтичный вид.

Оставшись одна, я устроилась в потертом кресле и закурила. Окинула взглядом квартиру. Это была типичная однокомнатная хрущевка: старенькая мебелишка, черно-белый телик в углу, повидавший виды диван с пятнами на покрывале, шесть фарфоровых слоников с отбитыми носами, которые занимали почетное место в серванте…

Трудно было себе представить, что Ирина жила именно в такой обстановке. Насколько я ее помнила, она всегда любила домашний уют и максимальный комфорт. Однако ни в чем я не обнаружила признаков присутствия здесь моей подруги. Может быть, только косметика, спрятавшаяся в уголке серванта за слониками, свидетельствовала о том, что здесь жила молодая женщина. Причем косметика была не самой дешевой, и ее было достаточно много.

Я порылась в платяном шкафу, стоящем у стены напротив входа в комнату, но ничего существенного там не обнаружила: старые альбомы с фотографиями Клавдии Ивановны и ее семьи, некоторые вещи, видимо, принадлежавшие Ирине: нижнее белье и парочка блузок.

Оглядев еще раз комнату, я прошла на кухню. Обстановка и там была весьма стандартной для такого типа квартир. Газовая плита и холодильник советских времен, пластмассовые банки для муки и специй, на стене – доски для нарезки хлеба и овощей. Единственным свежим пятном на стене была прикрепленная кнопкой репродукция натюрморта, вырезанная из старого «Огонька».

Я залезла в так называемый «второй», или «зимний», холодильник – углубление в стене под окном. Открыла дверцы и увидела там кучу различных банок, баночек, пакетов и пакетиков. Здесь хранились старые заготовки, консервы, вермишель, стояли бутылки с подсолнечным маслом. В углу приткнулся большой початый пакет с мукой.

Без особой надежды на то, что я могу здесь обнаружить нечто интересное, я, присев на корточки, начала открывать подряд и изучать содержимое всех емкостей.

Я не искала ничего конкретного. Просто сработала давнишняя профессиональная привычка. Или просто любопытство.

В основном это была всевозможная ценная хозяйственная дребедень: лавровый лист, металлические крышки для консервирования, какая-то сушеная зелень… Еще пакет с мукой…

Я протянула руку, взяла лежавшую на столе вилку и попыталась переворошить ею муку.

И уже хотела было прекратить свое занятие, как вдруг мне показалось, что внутри мешка что-то блеснуло. Я полезла рукой в муку и… вытащила это.

Я держала в руке прозрачный полиэтиленовый пакет размером с сигаретную пачку. А внутри пакета пересыпался белый порошок. Почему-то мне не пришло в голову, что в этом пакетике была мука высшего сорта, хитро запрятанная в пакет с мукой более низкого качества.

Я поднялась на ноги, отряхивая свою черную кофточку, ставшую в один момент вдруг белой – настолько сильно она была обсыпана мукой.

Маленький пакетик, лежавший на моей ладони, порождал большие вопросы. Какой смысл хранить все это в мешке с мукой да еще в запечатанном виде? Собственно говоря, кто-нибудь и мог сомневаться в том, что хранится в этом пакетике, но только не я. У меня сработал чисто профессиональный рефлекс – частные детективы волей-неволей видят во всем криминальный подтекст.

Так и здесь. Я была почти уверена, что в этом пакете наркотик. Причем я даже не задала себе вопрос – почему? Почему наркотики хранились здесь, в этой квартире? На вопрос, кому они принадлежат или, скажем так, к кому имеют большее отношение – к хозяйке или к квартиросъемщице, – я почему-то опять же ответила бы однозначно, что здесь замешана Ирина.

«Все-таки, наверное, не врут гадальные кости, черт побери! – вздохнула я. – Да, не все здесь чисто, не все…»

Негромко выругавшись в пространство по поводу своей изгаженной одежды, я аккуратно положила найденное на кухонный стол. Теперь можно было попытаться и почиститься. В поисках чистой тряпки я начала открывать выдвижные ящики буфета. Наконец в третьем по счету я обнаружила в глубине что-то, похожее на нужную мне тряпку.

Я протянула руку внутрь ящика, чтобы вытащить ее, но, к моему удивлению, тряпка оказалась очень тяжелой. То есть в нее было что-то завернуто. Впрочем, это самое нечто я определила на ощупь, опять же повинуясь отработанным профессиональным навыкам. Даже не разворачивая тряпку, можно было определенно сказать, что в нее завернуто оружие, и не рогатка какая-нибудь, а самый настоящий пистолет. Мысленно поспорив с собой, я прикинула, какой марки может быть оружие.

Развернув тряпку, я в очередной раз была удовлетворена своими познаниями в этой области. Как я и предполагала, это был «ТТ».

Осторожно положив пистолет на стол рядом с найденным раньше пакетиком, я присела на стул и задумалась. «Ну и дела… Неисповедимы пути твои, господи…»

Мне даже захотелось перекреститься. Несколько секунд я сидела неподвижно, слушая журчание воды в унитазе, доносившееся из санузла.

Интересно, где же случилось это самоубийство? В ванной или, может быть, здесь, на кухне? И как оно случилось?

Я инстинктивно подняла голову вверх и прикинула, каким же образом можно было здесь свести с жизнью счеты. По моему телу пробежала предательская дрожь. Хоть я и попривыкла за годы работы частным детективом ко многому, а все равно было как-то не по себе…

Мои мысли неожиданно оборвал резкий телефонный звонок. Он прозвучал так требовательно и четко, как будто в диссонанс моим мыслям. И мне даже на мгновение показалось, что я совершила сейчас нечто такое, что оказалось не по вкусу неким высшим силам. И это они сейчас звонят, чтобы призвать меня к ответу.

Но я не стала подходить к телефону и отвечать на звонок. Я просто прикурила еще одну сигарету и некоторое время сидела неподвижно. Пусть звонят, меня сейчас нет дома…

Оцепенение мое начало скоро проходить, и я взглянула на наручные часы. Прошло уже почти три часа с тех пор, как я переступила порог этой квартиры. Скоро уже наступит вечер, и мне пора бы двигаться домой. Забрав, естественно, с собой найденные улики в виде пакета с неизвестным порошкообразным веществом и известным пистолетом марки «ТТ».

Аккуратно сложив эти любопытные находки в пакет и повинуясь привычке, я, как только могла тихо, открыла дверь на лестничную площадку и так же тихо потом закрыла ее и стала спускаться вниз.

Глава 2

На площадке между вторым и первым этажами мне встретились двое молодых парней. Они медленно поднимались вверх. В их движениях не чувствовалось особой целеустремленности.

– Девушка, не подскажете, сороковая квартира в этом подъезде? – вежливо спросил меня идущий первым белобрысый парень с короткой стрижкой.

Я искренне и глубоко задумалась. Поскольку квартира, в которой проживала Ирина, была пятьдесят четвертой, было очевидно, что сороковая или в этом подъезде, но на первом этаже, либо вообще не здесь. Однако довести до конца свои логические размышления по этому поводу мне не удалось. И удивиться бестолковости парней тоже… Поскольку другой молодой человек, которого я разглядеть толком не успела, прошел мимо меня и, оказавшись сзади, заломил мне руки за спину, овладев пакетом, который я держала в руках. Белобрысый же, зажав мне рот одной рукой, другой грубо облапал меня.

«Маньяки! – было моей первой мыслью после того, как я немного пришла в себя от такого неожиданного поворота событий. – Черт вас дери!..»

Эта мысль почему-то успокоила меня. С маньяками я сталкивалась не раз, к тому же на моей стороне было знание различных приемов борьбы. Я напряглась, согнула ногу в колене, чуть подалась назад, на мгновение оперлась на второго парня и резко ударила ногой белобрысого по коленной чашечке.

Мне любопытно было понаблюдать развитие его реакции, выраженной в округлении глаз, предельном ужесточении мимики на лице и вырвавшемся гортанном крике, напоминающем рык льва в африканской пустыне. Однако я забыла про того, кто держал меня сзади. Он рванул пакет на себя, отпустил меня, но в следующую же секунду обрушил удар своего кулака мне под дых.

Слава богу, все-таки с моей стороны кое-какая реакция последовала, я напрягла пресс, и удар не стал столь катастрофическим. Однако вынуждена была согнуться и стала медленно оседать на бетонные ступеньки подъезда.

Болевой шок продолжался недолго, может быть, несколько секунд. За годы работы частным детективом мне не раз приходилось попадать в подобные ситуации, которые требовали максимальной концентрации воли и расчета. Кроме того, мне неожиданно дружно помогли жильцы подъезда. Они как-то живо откликнулись на звук, который издал белобрысый после того, как его угостили ударом ноги по колену.

Стали открываться двери, и какой-то бабий голос даже крикнул с негодованием: «Чего там такое?!» Снизу также послышались звуки – в подъезд кто-то входил.

– Валим отсюда! – приглушенно сказал тот, кто ударил меня под дых.

Белобрысый, корчась от боли, на одной ноге поскакал вниз мимо меня. Я притворилась недвижимой и дождалась, когда мимо меня пробежит второй. Тут-то я неуловимым для него движением ноги подставила ему подножку, и он, споткнувшись, перелетел через несколько ступенек вниз. Пакет грохнулся об пол, и я, собрав последние силы, потянулась к нему и наконец овладела им.

Благо снизу поднимались двое каких-то мужчин средних лет. Белобрысого они вниз пропустили, а вот второй, который упал после моей подножки, вызвал вполне обоснованные подозрения. Тем более что сцена развернулась у них практически на глазах.

Я, лежащая на ступеньках с пакетом, этот парень – я его наконец-то рассмотрела, но во внешности его не было ничего выразительного, – словом, мужики даже пытались его задержать. Однако он грубо оттолкнул одного из них и, матерясь, исчез за дверями подъезда.

– Что случилось, девушка? – с волнением в голосе спросил меня один из этих мужиков.

Я хотела было ответить, но вдруг почувствовала, что силы покидают меня. Слабость начала распространяться по всему телу. Было такое ощущение, что еще чуть-чуть – и я потеряю сознание. Я хотела было сказать, чтобы они, эти мужики, хотя бы посмотрели, на какой машине уехали напавшие на меня, но не смогла…

…Пришла я в себя спустя минут десять. Собственно говоря, сознания я не теряла. Просто чувствовала, что мне было хорошо и уютно отдыхать на этой лестнице. Я категорически отказалась от того, чтобы мужики звонили в милицию, уже решив, что сама сейчас поеду в Заводской РОВД и обо всем расскажу. Вышедшие на шум соседки, среди которых я обнаружила и ту, с которой я разговаривала утром, видимо, еще долго судачили по поводу того, какая несчастливая у Клавдии Ивановны квартира: «То повесятся, понимаешь, то маньяки какие-то заведутся…»

Поблагодарив всех за участие в моей судьбе и крепко сжимая в руках пакет, я вышла из подъезда, направившись к своей машине. Купив для успокоения нервов тут же на углу в ларьке бутылку кока-колы и в два приема опорожнив ее, я ощутила, что вполне могу сесть за руль и самостоятельно добраться до цели.

Я подъехала к зданию Заводского РОВД в ужасном гневе. Черт знает что! Среди бела дня нападают на ни в чем не повинную женщину, то есть девушку, только потому, что она, видите ли, осмелилась снять квартиру, в которой произошло нечто странное несколько дней назад!

В том, что нападение связано именно с квартирой Ирины, я не сомневалась. Видимо, за ней по каким-то причинам, мне пока неизвестным, следили. То, что у меня в пакете был пистолет, тот самый второй парень проверил. Может быть, кстати, это и была одна из их целей… Может быть, и нет и они хотели похитить меня, чтобы что-то выведать. Пока ничего понятно не было.

«А если бы на моем месте оказалась другая, менее подготовленная к подобному обращению дама?» – вдруг мелькнула у меня мысль.

Невольно почувствовав себя эдакой защитницей своего пола в данной конкретной ситуации – не уронила женскую честь таки! – я без происшествий доехала до здания милиции, с независимым видом хлопнула дверкой своего автомобиля и с высоко поднятой головой гордо вошла в кабинет знакомого мне заместителя начальника Заводского РОВД.

Павел Петрович Ушаков был, по сути дела, моим единственным знакомым в этом отделе.

– Павел Петрович, здравствуйте, – шумно дыша, сказала я, открыв дверь кабинета.

– Добрый день, – невозмутимо ответствовал майор Ушаков, подставляя голову с реденькими волосами под слабые порывы воздуха, исходившие от стоявшего рядом с ним вентилятора. – А, Татьяна! Господи, каким же ветром тебя занесло-то…

– Павел Петрович, я много времени не отниму. Мне бы хотелось кое-что узнать по делу о самоубийстве на улице Разина.

Ушаков нахмурился, вздохнул, сложил руки в замок и уставился на меня.

– А в чем дело-то? Какое-нибудь частное расследование заказали?

– Самое интересное, что нет. Просто это была моя подруга.

– Да? – удивленно поднял брови Ушаков. – Ну у тебя и подруги…

– В жизни всякое бывает, сами знаете. – Я решила немного обидеться. – Разве она в чем-нибудь провинилась перед законом?

Ушаков почесал щеку, еще раз вздохнул и, глядя в сторону, сказал:

– Нет, вроде бы как выходит, что там самоубийство.

– Так вы, значит, в курсе этого дела? – спросила я и присела на стул напротив Ушакова.

– А как же! – на этот раз решил обидеться Ушаков. – Ты что, нас за лохов, как говорится, держишь? Если Заводское РОВД, то самое последнее в городе, что ли?

– Нет, я ничего такого не имела в виду, извините, Павел Петрович.

– Вот то-то, – шутливо погрозил он мне пальцем. – А что ты хочешь конкретно узнать-то?

– Понимаете, эту самую подругу я не видела уже несколько лет. А вчера узнала, что она развелась с мужем и приехала в город…

– У кого узнала? – неожиданно резко прервал он меня.

– От нашей общей подруги…

– Они общались между собой?

– Наверное… А что?

– И как зовут подругу?

– Я вам это обязательно скажу. Попозже… Или вам нужно прямо сейчас?

– Нет, пока необязательно. Продолжай.

– Ну, узнала я ее адрес, отправилась сегодня по нему, а там меня ошарашили новостью, что Ирина покончила с собой три дня назад. Но мне очень сложно это представить. Она была совершенно не похожа на человека, который способен сделать такое. К тому же и мотивы мне совершенно неизвестны. Так что я интересуюсь этим делом, что называется, в порядке личной инициативы, и никакого другого интереса у меня нет. Клиента тоже нет.

– Что личная инициатива – это хорошо, – философски заметил Ушаков. – А что интереса нет – наверное, тоже хорошо, – неожиданно закончил он.

– Так, может быть, по старой памяти, дадите ознакомиться с делом?

– А что знакомиться-то? – равнодушно проговорил Ушаков.

Он порылся на столе, достал кожаную папку, открыл ее и начал читать:

– Труп был обнаружен в ванной комнате висящим на веревке, прикрепленной к крюку, используемому обычно для вывешивания белья. Далее… – Майор сделал паузу, пробежав глазами по тексту. – Ну, тут идут анатомические подробности, – он вздохнул. – Действия производились в присутствии понятых – адреса, фамилии… Опознание трупа было произведено знакомыми покойной. Подпись – старший оперативной группы капитан Николаев. Вот и все…

Ушаков захлопнул папку и поднял на меня глаза.

– Может быть, все-таки дадите почитать? – кивнула я на папку. – И расскажете, что вы там накопали? Может быть, какие-то друзья всплывут, знакомые. Поговорить с ними, узнать, как она жила последнее время…

– Да плохо она жила, Таня, плохо, можно даже сказать, аморально, – снова тяжело вздохнул майор. – Только всего я тебе сказать не могу. Сама понимаешь, следствие все же идет, поэтому информация закрыта. Хотя все там, по-моему, ясно – самоубийство. У нас есть свидетель, который говорит о том, что твоя подруга была, к сожалению, слишком эмоционально неустойчивой. Любовь какая-то у нее была, красивая, да вот оказалась несчастливой. А женщины – они ведь существа такие странные! Ну, ты, наверное, и сама это знаешь.

Ушаков посмотрел на меня исподлобья и едва заметно усмехнулся.

– Или к мужикам относятся как к дойной корове – деньги, мол, давай, и все, никакой любви им не надо. Или уж если влюбятся, так хоть всех святых выноси. Пойдут, понимаешь, на все… Вплоть до преступления. Вот у меня в прошлом году случай один был…

– Но здесь же… – прервала я его.

– Правильно, а здесь дошло до самоубийства. Разница, между прочим, небольшая. Это тоже, кстати сказать, преступление. Если не перед законом, то перед богом… – Майор перекрестился, вместо иконы выбрав сейф, стоявший рядом с его столом.

– А что за свидетель, про которого вы говорили? Как его имя? – не унималась я.

Ушаков вдруг нахмурился и, повертев в руках авторучку, спросил:

– Зачем тебе это все? По крайней мере, сейчас? Мы разберемся, а потом, когда закроем дело, то я все тебе сообщу. Из-за хорошего отношения к тебе. Или, как ты говоришь, по старой памяти.

– Павел Петрович!

– Что Павел Петрович? – повысил голос Ушаков. – Мы здесь тоже, кстати говоря, работаем. Между прочим, в более жестких условиях и за меньшую плату, в отличие от вас, частных детективов. Кто его знает, может, там действительно не самоубийство, а может быть, этот самый тип, которого она любила, ее прикончил. Пока следствие не закончено, я и этого не исключаю. Нет, Танечка, мы сами разберемся. А потом встретимся с тобой за чашкой чая…

Ушаков ударил руками по столу, как бы давая мне понять, что разговор по принципиальному вопросу окончен, и с не лучшим для меня результатом.

– Хорошо, Павел Петрович… Убедил ты меня насчет самоубийства. А теперь послушай меня, – я неожиданно перешла с ним на «ты». – Вот эту интересную вещицу я обнаружила в квартире своей подруги.

И положила перед ним полиэтиленовый пакетик с белым порошком. Ушаков хмуро смотрел на пакетик где-то с полминуты, потом поднял на меня глаза.

– И еще, – добавила я. – Сегодня при выходе из подъезда, где она проживала, на меня напали. Еле-еле сумела уйти.

Ушаков нахмурился пуще прежнего и уставился в стол.

– Приметы нападавших помнишь? – мрачно спросил он.

– А! Что приметы! – в сердцах воскликнула я и махнула рукой. – Таких, как они, целая куча бродит, особенно в вашем Заводском районе, где любой пацан стрижется под лысого и воображает себя крутым. Типичное гоблинье с голдовыми цепями на шее, в майках и тренировочных штанах. Совершенно незапоминающиеся личности… Ко всему прочему, я уж совсем не ожидала, что такое может случиться, и поэтому не сумела поступить как обычно. Едва успела от них удрать, честно говоря. И сразу к вам, между прочим…

– Угу, угу… – майор кивал, по-прежнему рассматривая пакетик с порошком.

Он медленно протянул руку к селектору и нажал на кнопку.

– Фокин, зайди ко мне! – резко произнес Ушаков.

Почему-то я уже почувствовала себя лишней.

Спустя некоторое время в кабинете появился невысокого роста крепыш с каким-то пуленепробиваемым лицом. По крайней мере, мне так показалось.

– Сергей, это надо проверить, – сказал майор, подвигая к нему пакет с порошком.

– Угу, – коротко ответил Фокин, взял пакет и вышел из кабинета.

Спустя полчаса, в течение которых я безуспешно пыталась вытянуть из майора какую-нибудь информацию по делу, Фокин явился обратно и коротко доложил:

– Героин. Очистка средней паршивости. Возможное происхождение – Чечня. В прошлом месяце была партия с грозненского заводика младшего Басаева. Очень похоже…

Что ж, ничего удивительного в этом не было. Я с самого начала подумала именно так. Странно было другое – личность Ирины и содержимое этого пакетика у меня в голове стыковались плохо. Хотя, с другой стороны, много времени утекло с тех пор. Многие вполне могли за эти годы поменять свои ориентиры. Что касается Ирины, она всегда стремилась к красивой жизни. А стремление это иногда может привести на такую скользкую дорожку.

– Ну что, получается, что наркоманкой-то была твоя подружка, – вдруг почти весело сказал Ушаков, прерывая мои мысли.

– Почему это получается? – с вызовом спросила я.

– А как же пакетик? Сама знаешь, что в состоянии наркотического опьянения любое возможно. Обколются, обкурятся, испугаются жизни – и в петлю сразу, чтобы больше не бояться никогда и никого…

И тут до меня дошло, что по весу героина было явно многовато, чтобы просто держать его для себя. Слишком уж большая доза, такая обычно проходит в милицейских протоколах как «в особо крупных размерах».

Я прикинула возможную стоимость героина. Под две штуки баксов тянет, не меньше. Поэтому под категорию простого наркомана Ирина уже не подходила. Если это, конечно, пакетик был ее.

– Так что, Таня, спасибо тебе, что называется, за сигнал, – снова вывел меня из задумчивости майор Ушаков.

Этой фразой он сразу низвел меня до какого-то активиста добровольной народной дружины. Видеть во мне коллегу он почему-то отказывался.

– Тем более что я отвечаю в отделе за борьбу с наркотиками, – продолжил майор. – Поэтому мне тоже надо как-то продвигаться по служебной лестнице и раскрывать преступления. Тебе-то, я так понял, за это дело никто не заплатит? А я с твоей подачи сейчас получил, возможно, очередной «висяк» и большущий геморрой.

Взгляд майора стал жестким.

– Ну ладно, мне не заплатят, – согласилась я. – Но разве все можно мерить деньгами? Не всегда же мы работаем только ради них!

Майор ухмыльнулся и не нашелся что ответить. В этот момент активизировался селектор, и вялый женский голос сообщил, что майора Ушакова срочно просят зайти к начальнику отдела.

– Извини, Танечка, дела. Я на службе, – тут же поднялся он с места. – По окончании расследования все материалы тебе предоставлю. Но сейчас – извини…

– Хотя бы протокол вскрытия тела можно посмотреть? – попробовала еще подергаться я, хотя было ясно, что разговор закончен.

– А это не ко мне. Это в судмедэкспертизу обращайся, разрешение я тебе выпишу, – равнодушно сказал майор, приглашая меня жестом к выходу.

Весь его вид говорил о нервозности и нетерпении. Разумеется, служебное рвение прежде всего, но почему-то меня это привело в состояние крайнего раздражения, и я вышла из кабинета, даже не попрощавшись с Ушаковым.

Впрочем, он не особенно расстроился из-за этого и заспешил по направлению к кабинету начальства. Даже не спросил, буду ли я писать заявление по факту попытки нападения на меня.

Я вышла из здания РОВД в еще более поганом настроении, чем когда туда заходила. Слишком уж много разных бед свалилось на мою бедную голову этим днем: информация о смерти подруги, обнаружение наркотиков и оружия, нападение на меня в подъезде ее дома и, наконец, очень «радушная» встреча в РОВД.

Уже было слишком поздно предпринимать еще что-либо, относящееся к делу. Решив, что с утра завтрашнего дня я отправлюсь в судмедэкспертизу, я направилась к Кате Семеновой, чтобы рассказать ей о событиях, о которых сама узнала утром. Разумеется, я рассчитывала одновременно вытянуть из нее какие-нибудь неизвестные мне подробности из жизни Ирины Лейкиной за последние годы. Ведь именно Катя сообщила мне о ее приезде и дала адрес.

Катя встретила меня крайне удивленно. Мне даже показалось, что она не особенно рада меня видеть. Впрочем, это легко объяснилось: в гостиной на диване перед телевизором сидел молодой симпатичный парень, который при моем появлении сделал движение бровями вверх и с акцентом сказал:

– Здравствуйте…

Я сразу поняла, что это и есть тот самый Вацлав, который в настоящее время усиленно обрабатывается белокурой пышно-грудой Катей с целью создания прочной выездной семьи, основывающейся на нерушимом славянском братстве русских и чехов.

Поздоровавшись с ее избранником, я потрясла Катю новостью, сказав ей о том, что Ирки Лейкиной больше нет. У Кати округлились глаза, отвисла нижняя губа, а сама она прислонилась к косяку двери. Наверное, и я выглядела не лучшим образом, когда сегодня утром узнала об этом.

Дав ей опомниться после первоначального шока, я взяла ее за плечи и повела в другую комнату.

Катя устало опустилась на кресло и как-то нервно меня спросила:

– Как это случилось?

– Сама пока точно не знаю. Но вроде бы все говорит за самоубийство из-за какой-то неразделенной любви.

– Ее уже похоронили?

– Да, наверное. Она умерла четыре дня назад.

– У вас бе-да? – вмешался в разговор Вацлав. – Кто-то умер?

– Да, – ответила я. – Наша с Катей институтская подруга. Покончила с собой из-за какого-то мужчины.

– Странно… – тихо сказала Катя. – Никогда Лейкина не давала повода думать, что из-за какого-то мужика может потерять голову, а тем более удавиться.

– Я того же мнения. Но факты налицо. Завтра поеду в судмедэкспертизу, может быть, что-то выясню дополнительно…

– Ты что, думаешь, что… – лицо Кати стало напряженным, – что ее могли убить?

– Катя, ты же знаешь, что меня профессия обязывает, – вздохнула я. – Потом еще кое-что, – вспомнила я о предостережении гадальных костей, – заставляет меня придирчиво отнестись ко всем этим версиям…

– Что именно? – с любопытством посмотрела на меня подруга.

– На меня напали, когда я выходила из подъезда, где жила Ирка, – нашлась я с ответом, не желая распространяться о своих паранормальных советниках.

Катя прижала руки к лицу и с ужасом посмотрела на меня.

– Нет, не пугайся, ничего страшного не произошло. Я часто попадала в такие передряги. Сделай лучше кофе с бутербродами, а то мозги уже совсем не варят после всех этих событий.

Сидевший до сих пор молча Вацлав вызвался сам угостить меня кофе и исчез на кухне. Когда мы остались вдвоем, Катя шепотом спросила:

– Ну, как тебе Вацлав?

Я пожала плечами. Действительно, что можно было сказать, услышав две фразы, которые этот чех произнес за время нашего разговора?

Впрочем, ничего себе мужчинка… Хотя физиономия могла быть и более осмысленной: как-то не чувствуется в нем представитель европейской культуры. Я ожидала увидеть нечто более импозантное. Иностранец все-таки…

– Классный парень, – тем не менее одобрила я и тут же перевела разговор на тему, более интересовавшую меня. – Ты когда последний раз видела Ирину?

– Месяца два назад.

– Что она тебе рассказывала о своей жизни?

– Что с мужем разошлась, – скептически покривилась Катя. – Потом, что мать умерла где-то с год назад, теперь у нее здесь в Лесных Горах только тетка с дядькой. У них-то ребенок ее сейчас и живет. Она говорила, что с ребенком, мол, нельзя в городе выбиться в люди, потому что мешает он… Приплачивала, наверное, родственникам, помогала… Иначе бы они и не стали напрягаться.

– А где же она деньги зарабатывала? Случайно не знаешь?

Катя тяжело вздохнула.

– Тут она, кажется, что-то скрывала и недоговаривала, – выдержав некоторую паузу, ответила Катя. – Намекала на какого-то любовника – раз. Потом на какие-то подработки – два. Но когда я спросила в лоб, где она работает, ответила, что временно нигде. Жизнь сейчас такая тяжелая, что не устроишься… Короче говоря, у меня создалось впечатление, что она немножко темнила. Хотя не всем же работать частными детективами, – махнула она рукой.

– Ну, в общем, дело ясное, что дело туманное, – констатировала я, и эта моя фраза совпала по времени с возвращением в комнату пана Вацлава, который на подносе, как заправский кельнер, принес две чашки кофе и тарелку с маленькими бутербродиками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.